

Николай Чуковский

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 88

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Владимира Гусакова
Иллюстрации Владимира Богаткина, Сергея Бабкова

Чуковский Н.

Ч 88 Балтийское небо : роман, очерк / Николай Чуковский. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34127-2

В основе этой глубокой и достоверной книги о Великой Отечественной войне лежат реальные события, свидетелем которых стал военный корреспондент, писатель и переводчик Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965), разделивший с ленинградцами тяготы вражеской осады. Это неприкрашенная история о мужестве защитников Ленинграда: его жителей и летчиков Балтийского флота, сражавшихся за Дорогу жизни и небо блокадного города. От изнурительных воздушных боев и сурового быта аэродромов до трагических и героических будней горожан — страницы романа отражают все грани военной жизни. Здесь воюют, влюбляются, погибают и свято верят в грядущую победу. Роман «Балтийское небо» дополнен мемуарным очерком «В осаде» и сопровождается иллюстрациями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-34127-2

© Н. К. Чуковский (наследники), 2026
© В. В. Богаткин (наследники), иллюстрации, 2026
© С. Ф. Бабков (наследники), иллюстрации, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Глава первая

МАРЬЯ СЕРГЕЕВНА

1

Марья Сергеевна Андреева, маленькая женщина в шерстяном платье, спрыгнула с грузовика у Балтийского вокзала, отряхнула ладошками заляпанную глиной юбку и пошла к трамвайной остановке.

Она больше месяца не была в городе и с тревожным любопытством озиралась, разглядывая знакомую привокзальную площадь. Больше месяца она рыла противотанковые рвы — сначала в Кингисеппском районе, потом к югу от Ораниенбаума, потом, когда немцы заняли Петергоф и Стрельну, возле самого города, за Северной верфью, рядом с заводом пишущих машинок «Ленинград». Все это время она вместе с десятками тысяч других женщин спала, не раздеваясь, на земле, жила под постоянной бомбежкой, под обстрелом среди горящих деревень и вытоптанных полей. Вести из города доходили до нее скудно и редко, и все же она знала, что с начала сентября город бомбят, что фронт подошел к нему вплотную. Она не совсем ясно представляла себе, каким увидит город, когда вернется, но была уверена, что увидит его изменившимся.

Однако, к удивлению ее, город показался ей обыкновенным и привычным. У вокзала киоски торговали водой с разноцветными сиропами, девочки рисовали квадратики на панели и прыгали, прохожие ели эскимо в шоколаде, милиционерша пританцовывала на углу, застоявшаяся вода Обводного канала была пестра от нефтяных разводов, трамваи скрипели мирно, как всегда. И только в небе, на страшной высоте, сре-

ди легких перистых облачков, озаренных солнцем, стлался закрученный, как замысловатый вензель, белый след едва различимого самолета. Марья Сергеевна не знала, наш это самолет или немецкий, но, увидев его, подумала о Коле Серове.

Она решила прежде всего поехать на Васильевский остров к Быстровым, так как знала, что дома ее никто не ждет. Обоих своих детей, Ириночку и Сережу, она еще в начале июля отправила с районным лагерем под Валдай.

Весь июль прожила она одна, дожидаясь эвакуации школы, в которой работала преподавательницей русского языка. Школа должна была эвакуироваться вместе со всеми учащимися и всеми педагогами.

Это ожидание было для Марьи Сергеевны мучительно. Сидеть и ждать — без детей, без дела, да еще в такое время! Наконец в начале августа день отъезда был назначен, и Марья Сергеевна получила распоряжение явиться в школу с вещами. Но когда она явилась, ей сказали, что отъезд отложен на две недели. И тут же оказалось, что нужно отправить кого-то из учителей на десятидневный срок рыть противотанковые рвы. Марья Сергеевна поспешно вызвалась сама, потому что нестерпимо было сидеть одной в своих пустых двух комнатах, ждать и ничего не делать. Не заходя домой, она выехала вместе с преподавательницей естествознания Катериной Ильиничной Быстровой.

Десять дней прошли, но смена не прибыла, пришлось остаться. Спустя еще десять дней они с Катериной Ильиничной случайно встретили в окопе одну знакомую работницу Дзержинского района, которая сообщила им, что их школа уже уехала. А еще через две недели, несколько дней назад, «мессершмитт», обстреливая из пулемета противотанковый ров, полный работающих женщин, убил Катерину Ильиничну на глазах у Марьи Сергеевны.

С Катериной Ильиничной Марья Сергеевна раньше была, в сущности, мало знакома. Они преподавали разные предметы в разных классах. Катерина Ильинична была старше Марьи Сергеевны на десять лет, держалась не без важности и казалась не склонной к сближению. Но за месяц, проведенный

вдвоем, они неожиданно сблизились и сдружились. И не потому, что они работали, спали, ели вместе, а потому, что Катерина Ильинична с замечательной нежностью отнеслась к Марье Сергеевне, когда та рассказала ей всю трудную историю своего замужества, своего вдовства и своей новой любви.

С Марьей Сергеевной случилось событие, которое волновало и мучило ее ужасно и к которому она сама не знала, как отнестись. Весной этого года, почти перед самой войной, она, мать двоих детей, неожиданно для самой себя полюбила летчика Колю Серова, с которым познакомилась случайно и совсем недавно и который к тому же был несколько моложе ее.

Со своим мужем она когда-то вместе училась в педагогическом институте, он был ее однокурсник, тоже словесник, они, прежде чем пожениться, пережили сложный и возвышенный роман, они глубоко знали друг друга, у них были общие вкусы, общие привязанности, друзья, надежды. Окончив институт, они работали вместе и, наверно, жили бы счастливо, если бы он не заболел туберкулезом. Ему становилось все хуже, и Марья Сергеевна в течение нескольких лет, сначала с одним крохотным ребенком, потом с двумя, ухаживала за ним, возила его по санаториям, по клиникам, работала до изнеможения, чтобы кормить его как можно лучше, чтобы спасти его. Под конец он стал раздражителен и капризен и относился к Марье Сергеевне с какой-то детской безжалостностью. И все же она была в отчаянии, когда он умер, и долго не могла прийти в себя от горя. Потом она снова принялась за работу, растила детей, успокоилась, много читала, и ей казалось, что жизнь ее установилась навсегда. Она никогда не думала, что снова может выйти замуж. Жизнь ее была целиком заполнена работой и детьми.

Она была серьезная, скромная, начитанная женщина, и вторая любовь, неожиданная, испугала ее. Он был человек не ее среды — военный, летчик, занимающийся делом, совершенно ей незнакомым. Она встретилась с ним случайно и влюбилась в него так сильно, что никогда даже не подозревала о возможности существования подобной любви. Это бы-

ла любовь сокрушительная и, главное, независимая от воли Марьи Сергеевны.

И все же, когда ровно за неделю до войны он предложил ей стать его женой, у нее хватило силы отказать ему. Она отказала ему потому, что у нее было двое детей, и потому, что она была убеждена, что он, несмотря на все свои ласковые слова, не может любить ее, и уж, во всяком случае, не может любить ее долго. Рассказывая об этом ночью Катерине Ильиничне, она сказала, что это ясно, «как дважды два — четыре». Но она не могла ей рассказать, какая печальная нежность охватывала ее при воспоминании о его больших руках, о его добрых глазах, о его сутуловатости и какая тайная, робкая надежда жила в ней вместе с этой нежностью.

До разлуки они виделись всего раз семь-восемь, не больше. Жил он где-то далеко за городом, на каком-то аэродроме, и свободен бывал только по воскресеньям. В мае и в июне он каждое воскресенье заезжал за нею, и они шли гулять. Эти воскресенья были для нее очень трудны — она стеснялась соседки, стеснялась своей дочери Ириночки, которой шел уже девятый год. Он тоже стеснялся Ириночки, называл ее на «вы» и с застенчивой улыбкой качал Сережу на колене.

Отказав ему, Марья Сергеевна думала, что никогда уже больше его не увидит. Но в глубине души она все же робко надеялась, что в следующее воскресенье он придет к ней опять. И он приехал, и, когда он вошел, она вся просияла. Она не сумела скрыть своей радости. Это было 22 июня. Они вместе выслушали речь Молотова. Через час он уехал.

Марья Сергеевна провожала его на Балтийский вокзал и ехала с ним в трамвае вдоль Обводного канала. Он был бледнее обычного, очень тих, молчалив и, пока они стояли на трамвайной площадке, ни на минуту не выпускал ее руки. Она, маленькая, смотрела на него снизу вверх и старалась угадать, о чем он думает, и не могла, и ужасалась тому, как мало его знает.

Потрясенные, они почти не разговаривали. Она вся была поглощена старанием навсегда запомнить его лицо.

На перроне он сказал: «Береги себя».

Нагнулся и поцеловал ее в губы.

Он вошел в вагон, и поезд двинулся.

Домой она пошла пешком — через весь город, — одреветневшая от муки.

Она никогда ни с кем о нем не говорила. И только как-то ночью рассказала обо всем Катерине Ильиничне Быстровой.

Они ночевали в сарае; сквозь щели в крыше были видны звезды. Женщины кругом спали, утомленные за день, и жались во сне друг к дружке от холода. И только они обе не заснули до утра, и Марья Сергеевна всю ночь говорила шепотом, плакала и говорила. Марья Сергеевна рассказала Катерине Ильиничне обо всем, ничего не скрывая, полная к ней доверия и благодарности за то, что она не спала ради нее всю ночь, и за то, что она отчего-то считала все сомнения Марьи Сергеевны пустяками. Выслушав, Катерина Ильинична с уверенностью старшей и более опытной сказала, что нужно только уметь ждать и они непременно увидятся.

— Если вы оба останетесь живы, — прибавила она.

На другой день Катерину Ильиничну убили.

Марья Сергеевна редко бывала на Васильевском острове. И не без труда нашла дом, в котором жили Быстровы. Огромный шестиэтажный дом этот стоял на маленькой, тихой улочке, позади зданий институтов Академии наук и университета. В конце улицы видна была набережная Малой Невы, светлая вода, баржи. Марья Сергеевна оглядела все шесть этажей и остановилась.

Она совсем не представляла себе, как сообщит родным Катерины Ильиничны о ее смерти. Она никогда у нее не бывала и никого из ее родных не знала. Слышала она, что муж Катерины Ильиничны находится на фронте. Есть дети. Мальчик совсем еще маленький, не старше, вероятно, Ириночки. И дочка. Катерина Ильинична часто повторяла: «У меня дочь уже совсем взрослая». Наверно, ей лет восемнадцать. Катерине Ильиничне было сорок лет, она могла иметь восемнадцатилетнюю дочь. Как ее зовут, эту девочку? Кажется, Соня. С ними живет еще отец Катерины Ильиничны, работает в каком-то институте, очень, должно быть, старый...

Марья Сергеевна заглянула в бумажку, на которой записан был адрес Быстровой. Квартира 28, со двора, справа, шестой этаж. Пройдя под длинной аркой, Марья Сергеевна вошла во двор.

Двор был квадратный, глубокий, наискосок прорезанный солнцем. Большая белая стрела на стене указывала вход в бомбоубежище. Кучка детей — веселых и оживленных — носилась по двору, и воздух звенел от их криков. Были это все больше мальчишки, и все довольно маленькие; но Марья Сергеевна сразу заметила и девочку, голенастую, выше и шумнее всех. Играли они не то в пятнашки, не то в палочку-выручалочку. Эта голенастая девочка в самозабвении игры и веселья с разбегу чуть не наскочила на Марию Сергеевну, и Марья Сергеевна заметила черные волосы, большой рот, веснушки, расположившиеся, как два крылышка, по обе стороны прямого носика, и темные глаза, блестящие от восторга.

Марья Сергеевна свернула направо, остановилась у входа на лестницу и посмотрела вверх, стараясь угадать окна той квартиры, куда ей предстояло войти. Там, в вышине, окна были озарены солнцем, еще по-летнему ослепительным, и голуби сидели на подоконниках.

Пока она смотрела вверх, у нее за спиной раздались твердые мужские шаги. Она обернулась. Какой-то морской командир проходил по двору. Увидя его спину в кителе и сдвинутую на затылок фуражку, Марья Сергеевна вздрогнула и задыхнулась.

Коля Серов тоже носил форму морского командира. В первые дни их знакомства она даже считала его моряком, а не летчиком. Он объяснял ей, что он морской летчик, показывал какие-то нашивки на рукаве, но она мало поняла из его объяснения, потому что ей это было безразлично. С тех пор как он уехал, она, увидев человека в форме морского командира, всякий раз вздрагивала. Командир направился к одной из дальних дверей в глубине двора. У двери он обернулся и взглянул на Марию Сергеевну. У него было полное немолодое лицо. Ничем не был он похож на Колю Серова.

По темноватой лестнице Марья Сергеевна поднялась на шестой этаж. На двери квартиры 28 блестела начищенная до-

щечка с надписью: «Профессор Илья Яковлевич Медников». Надпись была сделана еще по старому правописанию, с твердыми знаками и ятем. Марья Сергеевна остановилась перед дощечкой, стараясь отгадать, кто этот Медников. Жилец? Сосед? Его зовут Илья... Вероятно, отец Катерины Ильиничны, а Быстрова она по мужу...

Пока Марья Сергеевна медлила перед дверью, внизу раздались чьи-то шаги. Кто-то быстро взбежал по лестнице, Марья Сергеевна глянула вниз, в пролет, и увидела ту самую девочку, которая во дворе чуть не сбила ее с ног. Девочка бежала легко, перескакивая через ступени. Когда они встретились глазами, она крикнула:

— Вы к нам? Я так сразу и подумала, что вы к нам...

Марья Сергеевна поджидала ее на площадке. Девочка взбежала на шестой этаж, почти не запыхавшись. Это, конечно, дочка Катерины Ильиничны, и Марья Сергеевна удивилась, как это она сразу не догадалась. Катерина Ильинична тоже была такая же рослая и черноволосая, только в волосах много уже седины; тот же крепкий прямой носик, тот же крупный рот, те же брови... «Ей никак не больше шестнадцати, — подумала Марья Сергеевна. — Может быть, и шестнадцати нет...»

Впрочем, в глазах у девочки уже не было того детского счастья, которым полны они были давеча, там, на дворе. Она оглядела Марью Сергеевну с тревогой, ожиданием и некоторой даже строгостью.

— Вы от мамы, да? — быстро и негромко спросила она, пробежав последние ступеньки.

Марья Сергеевна кивнула.

— Я так и думала, что вы оттуда, — продолжала девочка. — У вас юбка в глине. — Она глядела Марье Сергеевне в лицо со все возрастающей тревогой. — Что с мамой? Что с ней случилось?

— Вас зовут, кажется, Соня... — начала Марья Сергеевна.

— Она убита? — спросила девочка.

Марья Сергеевна опять кивнула, пораженная ее догадливостью, и отвернулась.

Она слышала у себя за спиной дыхание девочки. Ни всхлипывания, ни вздоха. Так стояли они довольно долго. Потом Марья Сергеевна нащупала в кармане своей жакетки пакетик, крест-накрест перевязанный бечевкой, вытащила его и обернулась.

Глаза девочки были широко раскрыты, и слезы катились по щекам, собираясь на подбородке.

— Снаряд? — спросила она.

— Нет, — сказала Марья Сергеевна. — Нас обстрелял самолет.

— Когда это было?

Марья Сергеевна подумала.

— В четверг...

— Ее похоронили?

— Нет. Нас сразу вывели из рва, и больше мы туда не возвращались. Там теперь немцы... Вот...

Она протянула девочке пакетик. Это были перевязанные бечевкой письма в конвертах, паспорт, три сторублевки, фотография лысеющего мужчины в сером пиджаке и в галстуке — все, что хранила при себе Катерина Ильинична.

Девочка взяла пакетик и держала его в протянутой руке, даже не взглянув. Большие слезы падали на каменные плиты лестничной площадки.

Марья Сергеевна осторожно коснулась плеча девочки.

Вдруг за дверью раздались приближающиеся мягкие шаги. Девочка вздрогнула, лицо ее сразу стало спокойным. Она рукавом отерла слезы со щек и спрятала пакетик под блузку.

— Уйдите, пожалуйста... — торопливо шепнула она Марье Сергеевне. — Спасибо вам...

Не успела Марья Сергеевна спуститься на несколько ступенек, как брякнула дверная цепочка, дверь квартиры 28 распахнулась, и на пороге появился небольшой человечек в голубом халате и красных мягких туфлях. У него было горбоносое старческое личико с седыми до голубизны усами. Держался он прямо, и голова его в черной ермолке была откинута назад важно и не без надменности.

— От Кати? — спросил он резким голосом.

— Да, — сказала девочка спокойно, стараясь не выпустить его на площадку и загораживая от него Марью Сергеевну. — Она просила передать, что еще там задержится.

— Я говорил, что нам уезжать рано, — сказал он. — Мы будем ждать ее.

Девочка осторожно толкнула его назад в квартиру и сама вошла вслед за ним. Дверь захлопнулась.

2

Марья Сергеевна жила на улице Маяковского, которая раньше называлась Надеждинской, а еще раньше, лет сто назад, Шестилавочной. Она сошла с трамвая на Невском и пошла по своей родной улице, знакомой до каждой трещины в тротуаре, внимательно глядя по сторонам. Она сразу заметила, что здесь за время ее отсутствия произошли изменения, бóльшие, чем в тех местах города, где она успела побывать.

Уже во втором доме от угла были выбиты все стекла. Поравнявшись с родильным домом имени Снегирева, она увидела широкий пролом в стене, выброшенные в палисадник скрюченные железные кровати. Напротив, в больнице имени Жертв Революции, один из белых двухэтажных корпусов был сметен наполовину. Дом на углу улицы Жуковского был совсем уничтожен, и только искривленные железные балки торчали в небо. Лишь один край его, самый дальний от угла, все еще держался, словно на весу, и с улицы можно было видеть внутренность квартир, словно вскрытых огромным ножом: яркие пятна зеленых, желтых и синих обоев, фотографии на стенах, шкаф без дверец с висящим в нем пиджаком, и над всем, на самом верхнем этаже, зеркало, отражающее ясное бледное сентябрьское небо.

Сюда, видимо, попала особенно крупная бомба, потому что стекла во всех окнах были выбиты до самой улицы Некрасова. Марья Сергеевна пошла быстрее, торопясь увидеть свой дом. Впрочем, она не очень волновалась. Никого из близких у нее дома не было, а дорожить вещами ей сейчас казалось нелепым. С тех пор как началась война и уехал Коля Серов, и особенно с тех пор как уехали дети, она чувствовала себя

не то что свободной, а словно ни к чему не прикрепленной. Каждый дом был ей дорог, как свой; ей казалось, что каждый из них мог бы дать ей приют, она могла бы жить с любыми людьми, как жила в сарае на оборонных работах, и всюду чувствовала бы себя дома. Она знала, что та борьба, которая началась три месяца назад, была теперь важнее всего, и стремилась возможно скорее принять в ней участие. Она вернется на оборонные работы копать рвы или поступит на какой-нибудь завод, работающий для фронта. Ей только необходимо прежде съездить к своим детям, устроить их, быть уверенной, что они в безопасности...

За улицей Некрасова стекла в окнах были целы. Свой дом она заметила издали. Он был невредим, совершенно такой же, как раньше. У ворот ее встретила управдомша; она улыбнулась Марье Сергеевне и, кажется, хотела что-то сказать, но Марья Сергеевна поспешно поднялась к себе на четвертый этаж, открыла дверь своим ключом и вошла в квартиру.

Квартира эта состояла всего из трех комнат, и две из них занимала Марья Сергеевна. В третьей жила Анна Степановна, соседка, старуха жизнелюбивая, деятельная и неестественно говорливая. Когда-то у Анны Степановны был муж, работавший где-то на заводе, были дочери. Но муж давным-давно умер, дочери вышли замуж в другие города, и уже лет пятнадцать Анна Степановна жила совсем одна, на пенсии. Марья Сергеевна много раз ссорилась с ней из-за несносной привычки Анны Степановны влезать во все, что ее не касалось: в стряпню, в воспитание детей, в знакомства Марьи Сергеевны; но ссоры эти кончались ничем, как-то сами собой рассасывались, потому что изменить Анну Степановну было невозможно, и она, ни на что не обращая внимания, продолжала соваться во всё. И Марья Сергеевна привыкла к ней, даже дорожила ею в своем одиночестве и, вероятно, была бы очень огорчена, если бы Анна Степановна исчезла.

Анны Степановны не было дома. Марья Сергеевна открыла ключом дверь своей комнаты. И сразу увидела два письма, сунутые под дверь. Письма эти несомненно лежали здесь давно, так как оба конверта были покрыты пылью.

Нагибаясь, чтобы поднять их, Марья Сергеевна поняла, что оба они от Ириночки, дочери.

Ириночкины письма пришли, вероятно, вскоре после отъезда Марьи Сергеевны — на них были штемпеля начала августа. Волнуясь, сдвинув брови, Марья Сергеевна вскрыла конверты, в которых безусловно уже копалась Анна Степановна, и стала читать.

Из Ириночкиных писем, написанных очень большими буквами по нарисованным карандашом линейкам, она узнала только, что живут они хорошо, ходят за малиной и поймали в лесу ежика, который пожил три дня, залез за печку и умер. Но гораздо больше она узнала из картинок своего пятилетнего сына Сережи, во множестве вложенных в конверты. На всех этих картинках были изображены жирные самолеты с большими черными крестами и сыплющиеся из них бомбы.

Она смутно представляла себе расположение фронтов, не очень хорошо знала, где находится Валдай, но давно уже догадывалась, что фронт должен проходить где-то близко от Валдая. Она разговаривала об этом с одним военным там, на оборонных работах, но он уверил ее, что до Валдая немцы не дошли. Теперь, увидев Сережины картинки, она еще тверже убедилась, что ей следует выехать в Валдай как можно скорее.

Она очень устала, но чувствовала, что тревога не даст ей покоя, и сразу же принялась за работу. Ей нужно было вымыться, кое-что постирать, собраться. Она растопила плиту, чтобы нагреть воды. Месяц назад, уезжая, она забыла закрыть форточку, и теперь обе ее комнаты были полны пыли. В ожидании, когда закипит вода, она сняла жакетку, разулась и стала мыть пол.

Она еще мыла пол, когда вернулась Анна Степановна. Марья Сергеевна выпрямилась, поправляя упавшие на лоб волосы, а Анна Степановна вскрикнула и сразу заговорила.

Как всегда, речь ее не имела ни начала, ни конца, а начиналась прямо с середины. Разговаривать с Анной Степановной как с другими людьми, то есть спрашивать и отвечать, было невозможно. Ее приходилось только слушать. С утра до вечера Анна Степановна таскала свое маленькое, ссохшееся семидесятичетырехлетнее тело по всем дворам и лестницам,

гонимая бескорыстным любопытством к миру, все видела, все слышала и, когда принималась говорить, разом выкладывала все свои познания в первозданном беспорядке, нисколько не заботясь о том, чтобы их рассортировать. Она очень обрадовалась появлению Марьи Сергеевны и, свесив свои тяжелые, словно вырезанные из темного дуба, руки, глядя лишенными ресниц, выцветшими добрыми глазами, стала рассказывать все, чем наполнилась ее душа за последние сутки.

Конечно, все это касалось главным образом бомбежек, потому что вчера ночью бомбили, и вчера днем бомбили, и третьего дня бомбили. Убило Александрова, дамского парикмахера из дома № 9, потому что он не выбежал на улицу. В доме № 9 все, кто выбежал на улицу, живы, их лишь опрокинуло, а все, кто остался в квартирах, убиты. Одного только выбежавшего водопроводчика зарезало стеклом. Один жилец выбежал на улицу, а жена и дети дома остались. Как только бомба грохнула, он назад кинулся, в кирпичи, в мусор. Искал, искал, ничего не нашел. А из вещей его остались только калоши, совсем новые, блестят. Он надел калоши, хотя было совсем сухо, и пошел, даже не кричит, голос отнялся, и все на него смотрят...

Марья Сергеевна осторожно, но настойчиво сворачивала ее речь в сторону: ей хотелось узнать, когда и куда уехала школа. Наученная многолетним опытом, она терпеливо ожидала, когда Анна Степановна поперхнется, и тогда поспешно вставляла слова. И мало-помалу в сбивчивых рассказах Анны Степановны появились упоминания о школе. Оказывается, она долго была уверена, что школа уже уехала и что Марья Сергеевна уехала вместе со всеми, а потом ей вдруг сказали: что отъезд школы отложен, а Марья Сергеевна на оборонных работах. Она не могла себе простить, что чего-то не знала, и убивалась, вспоминая о своем временном заблуждении. А школа уехала около двадцатого августа в сторону Вологды, а там дальше видно будет, пока ничего не известно. Школе очень повезло, она проскочила последней, а с тех пор никто уже больше не уезжал и не приезжал...

— Как — никто больше не уезжал? — спросила Марья Сергеевна. — Не может этого быть!

Но Анна Степановна знала это наверняка и стала подробно рассказывать о людях, которые вот уже третью неделю живут в эшелонах за Московским вокзалом. Там видимо-невидимо вагонов, и вагоны полны людей, и люди обжились — готовят, стирают, — всё ждут отправки и всё не едут. И многим уже надоело ждать, и они расходятся по домам...

— Когда же их отправят? — спросила Марья Сергеевна.

— Когда прорвут кольцо, — сказала Анна Степановна и многозначительно посмотрела на Марью Сергеевну. — Ничего, Юденич тоже близко подходил. А что, взял?..

Марья Сергеевна собственными глазами видела, что с юго-запада немцы подошли к городу почти вплотную. Но что город окружен со всех сторон — такой ужасной возможности она не допускала. Правда, там, на земляных работах, одна женщина говорила, что все железные дороги перерезаны и город превратился в ловушку; но слова этой женщины были встречены с такой дружной неприязнью, что она сразу замолчала, и Марья Сергеевна ей не поверила.

— Ах, что вы говорите, Анна Степановна! Я завтра утром уеду в Валдай!

При мысли, что между нею и ее детьми может существовать непреодолимая преграда, она приходила в отчаяние, которое было сильнее ее и с которым она не могла справиться. Но Анна Степановна твердо стояла на своем.

— Не поедете, Марья Сергеевна, ох нет, не поедете! — повторила она раз двадцать.

При этом она ссылалась на такое великое множество случаев, упоминала такое безмерное множество имен-отчеств с указанием профессий, возрастов, семейных отношений, что слова ее приобретали убедительность, поколебать которую было невозможно. И Марья Сергеевна почувствовала такую слабость, что не могла больше стоять и села на край кровати.

— А зачем вам в Валдай, Марья Сергеевна? — спросила Анна Степановна внезапно.

Марья Сергеевна вдруг возмутилась. Старуха десять лет прожила рядом, в каждую кастрюльку заглядывала, а ничего не поняла, истукан деревянный!

— Вы что, не знаете, что у меня в Валдае дети?

Тут только догадка осенила Анну Степановну. Глаза ее блеснули предчувствием радости, и, задохнувшись, она сказала:

— А ведь Ириночка с Сережей здесь...

— Где?

Марья Сергеевна вскочила.

— На Басковом. У Торкуновых.

Хватая себя за голову восковой рукою, Анна Степановна сокрушалась, как это она, дура, сразу не додумалась, что Марья Сергеевна не знает, что ее дети давным-давно привезены. А она-то все дивилась, зачем Марье Сергеевне в Валдай. Да ведь детей привезли в тот самый день, когда уехала школа. Лагерь очень бомбили, и оставаться в Валдае они не могли. Их привезли сюда, чтобы сразу же везти дальше, да вот приехать-то приехали, а уехать не успели. Детей развели по домам, но Марья Сергеевна была на оборонных работах, и Ириночку с Сережей взяла к себе Торкунова.

Фамилию эту, которую, по мнению Анны Степановны, должны были, конечно, знать все, Марья Сергеевна слышала впервые. Она стояла перед Анной Степановной, повторяя:

— Где, где они? Идемте... да идемте же!..

И все порывалась выскочить за дверь как была, босиком. Но Анна Степановна заставила ее обуться. Анна Степановна и сама очень торопилась, торжествуя, что ей удалось стать участницей таких счастливых событий и что она как бы держит радость Марьи Сергеевны в своих руках. Пока Марья Сергеевна лихорадочно натягивала чулки, она объяснила, что живут Торкуновы совсем близко, в Басковом переулке, что сам Торкунов на фронте, а дочка их Люся одних лет с Ириночкой и, когда лагерь вернулся, Торкунова взяла Ириночку с Сережей к себе.

Они выскочили из квартиры и побежали по лестнице — впереди Анна Степановна, быстрая и маленькая, как мышь, за ней Марья Сергеевна. Внизу уже вечерело, и синева окутывала дома, но небо еще сияло, и белые следы самолетов были озарены солнцем. Ни на что не глядя и ничего не замечая, Ма-

рья Сергеевна бежала вслед за Анной Степановной до самого Баскова переулка. Какая-то лестница, какая-то дверь. Они постучали. Им отворила высокая незнакомая женщина и довольно строго оглядела Марью Сергеевну. Марья Сергеевна ничего не стала ни спрашивать, ни объяснять: за спиной женщины в глубине комнаты увидела она Сережу, который, нагнувшись, возил по полу жестяной грузовик. Она рванулась вперед, схватила Сережу на руки. И тут же заметила Ириночку с большим бантом на голове, которого у нее раньше не было.

Пока Анна Степановна в передней обрушивала на Торкунову свою стремительную речь, Марья Сергеевна прижимала детей к себе, мяла, тормошила и целовала их; все трое они лепетали бессвязно, и всех бессвязнее лепетала сама Марья Сергеевна. Два с половиной месяца не видела она своих детей; они были те же и все же не те: они изменились. Лето в Валдае пошло им на пользу. Они выросли и, видимо, окрепли, особенно Сережа. Светлые волосы его выгорели и стали светлее лица, смуглого от загара.

Торкунова удерживала Марью Сергеевну, уговаривала ее выпить чаю, но Марья Сергеевна не хотела остаться ни на минуту. Ей не терпелось отвести детей домой, чтобы владеть ими одной, безраздельно. Она торопливо благодарила, обещала завтра зайти, поцеловала девочку Люсю и ушла вместе с Сережей и Ириночкой. На одной руке она несла Сережу с игрушечным грузовиком, в другой держала узелок с вещами; Ириночка бежала впереди.

Дома пришлось прежде всего затемнить окна, потому что уже нужно было зажечь свет. Анна Степановна, к счастью, ушла, чтобы рассказать о случившемся всем, кого встретит, и Марья Сергеевна осталась одна с детьми. Вода на кухне закипела, Марья Сергеевна вымылась и вымыла детей. Потом они ели кашу, пили чай с баранками. Сережа заснул, не допив своего стакана, и Марья Сергеевна отнесла его на кровать вместе с грузовиком. Через полчаса заснула и Ириночка.

Марья Сергеевна повозилась еще немного, прибирая комнату, полная блаженной усталости. Больше месяца не спала

НИКОЛАЙ КОРНЕЕВИЧ ЧУКОВСКИЙ
БАЛТИЙСКОЕ НЕБО

Ответственный редактор Ольга Гаврикова
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 25.08.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-43541-01-R